

Расшифровка интервью

Дата: 16.05.2022

00:00:19

Нет, я буду стараться строго отвечать, то, что вам интересно. Вот то, что вам интересно. То, что связано с высылкой, с пересылкой, с возвращением тоже не менее интересно. Почему? Потому что мы приехали чуть раньше, чем положено было приехать, мы не ждали, пока всех вагонами опять привезут назад. Мы приехали намного...

00:00:42

Будьте добры, пожалуйста, представьтесь, полностью ваши имя, фамилия, отчество, в каком году вы родились и где, что это была за семья.

Скажите, пожалуйста, мне будет удобно говорить о том, что я родился в 1939 году, 31 декабря. Но в силу обстоятельств, я потом скажу каких, вдруг я стал 1941 года. Это было связано с тем, что когда мы ехали сюда, чтобы я немножко выглядел... чтобы билет как несовершеннолетнего. Поэтому, значит, может быть, на камеру это...

00:01:37

Нет, скажите, как есть на самом деле, а потом все эти объяснения.

Да, 1939 года.

00:01:42

Ага. Я Акаев Исмаил Касимович, родился в 1939 году, 31 декабря, в городе Нальчик. В городе Нальчик. В Нальчике мы прожили где-то до пяти лет, неполных пять лет мне было, когда в 1944 году в связи с известным постановлением государства народ весь был репрессирован, мы в том числе. Я по национальности балкарец, и по матери, и по отцу. И были высланы. Были высланы. Этот период, когда шло переселение и своз народа на привокзальную площадь, а затем расселение по вагонам, я смутно, но помню, смутно, очень смутно, потому что пять лет — это как бы всё так вот, не особенно. И, значит, поехали, но учитывая, что в семье, я рос в семье, где каждый день только речь шла о том, как выселяли, с какой семьей как поступили, с какой семьи кто исчез, кто по дороге умер, что с кем как было, всё всё время рассказывали. И я невольно как бы, может быть, как-то не старался это запомнить, но с годами, с годами, когда я стал более понимающим, взрослым человеком, оно мне стало больше вспоминаться, вспоминаться, откладываться, вспоминаться, откладываться. И вот из того, что я помню, именно... почему я употребляю слово «в нашей семье», потому что я считаю, что история депортации для каждой семьи, она своя. Почему? Потому что не знали, какой семье, кто как, какая судьба, что случилось с ним, период депортации, в дороге или уже там, или после, куда они попали, никто не знал. Они расселялись по большой территории, от Сибири и до Средней Азии. И до Средней Азии. Мы в дороге... Я часто, всё время мать мне говорила: «Как мне было жалко этих молодых девочек, которых вот... мужья... от них пришли бумаги». Почему? Потому что более 17 тысяч были призваны в ряды советской армии, и они воевали на разных фронтах. И у каждого, кому пришла весть, что погиб сын, а невестка родила ребенка, и вот таких молодых мать всё время моя вспоминала и говорила: «Мне всегда было их очень жалко». «И почему, — говорит, — мне было жалко? Потому что когда вагоны останавливались, были определенные места, видимо, где останавливались, и ходили и спрашивали: есть погибшие, есть погибшие? Чтобы погибших выносили. Выносили, и они оставались на станции, которая... Это был март месяц, по России еще не везде снег растаял, и выносили, и оставляли. А девочки, вот эти молодые, которые... родили, они, вы знаете, у них в силу вот этих таких тяжелых переживаний, трагических, связанных с мужем — муж погиб, у кого без вести пропал, — и у них, вы знаете, исчезло молоко. Дети когда умирали, маленькие, потому что питания не было, они их не выносили. Они так же по вагонам, — говорит, «ходили и, как живых, вроде бы успокаивали, успокаивали, но они уже были мертвые». И мать мне всё время говорила: «И когда приехали на места, на места, и вот эти молодые в первую очередь вышли, выстроились... выстроились, как журавли, и несли этих детей хоронить». Они хотели сами их предать земле, но мужчин не было, стариков было мало. И часто погибали, она говорила, старики и те инвалиды, которые вернулись с фронта инвалидами. Их, говорит, выносили и пилотку или кепку военную ложили на него, на мертвого сверху, на грудь, говорит, и оставляли там. Мы, в общем... Ну, сложно, вы знаете, я вам скажу, мне, я бы мог подробно рассказать, может быть, более... но эмоции, понимаете, как бы... Не каждый, вы знаете, может рассказывать, сумев, подавив себя, понимаете как. Поэтому вы меня извините. И, когда уже, говорит, приехали на

места, мы попали в Новосибирскую область. Новосибирская область. Потом сказали, что «вас будем переселять» в этот... В Кустанайскую область, Павлодар, Павлодар, Северный Казахстан. И переселили туда, жили мы там, а там были многие другие народы, переселенные, как уже я вспоминаю. И через три года, мать сказала, что деда вызвали в военкомат и сказали, что «вы как семья погибших, мы вас переселим в теплое место, Казахстан, где...» «Там, — говорит, — тоже горы, ну, похожие места на Кавказ. Как ваш сын погиб...» А средний... средний сын, родной брат матери, погиб на фронте. И нас выслали в Джамбульскую область, Джамбульскую область, вот, Джамбульскую область, Мерке, так называемое место. И мы жили там. Ну, часто очень, помню, дед сказал, что очень много умирает людей, и он сам решил, самозахватом сделать кладбище такое небольшое, но мне казалось, что оно очень большое. Я что-то, помню, всегда боялся мимо проходить, где это кладбище было. Ну, вы знаете, ну, говорить и перечислять, ну ежедневно, ежедневно, ежедневно, всё время говорили. Я как сейчас помню, бабушкин брат, дед пришел и сказал: «Я ходил проведывал твоего брата, все умерли, все умерли, остался только дед, остался, и два маленьких мальчика. И я когда пришел, я ему кушать дал, а дети увидели и залезли ему сзади на плечи, один с одной, другой с другой стороны, и он с тарелки брал — и им давал, и себе. Но на следующий день, они трое тоже... умерли». Вот такое дело. Ну, вы знаете, как... Сложно, сложно передать словами, даже бы если бы я мог подавить как-то себя, — я немножко человек по жизни эмоциональный, — подавить себя и вот суметь говорить, можно бы было очень многое сказать и рассказать. Но вот в такой трагедии, вы знаете, трагедии, всё... Я помню, как, если зерно найдут, муки не было, дед сделал мельницу, нашел два камня, обтесал эти камни, сделал мельницу, и сделал ее так искусно, и соседние, и другие народы уже, кто у кого было это... Но это была мельница ручная, ее крутили, вот жернова такие, можно было делать ее крупной такой, каши такие... Каша как называется... Это вот, допустим, по-русски каша, у нее этимологии нету, перевода, скажем, каша так каша, у нас тоже [нрзб], каша, то есть это вода и зерно размолотое, разводили, разведенное, вот это называлось каша, ну сейчас тоже это же самое называется каша, вот такое дело. Ну так немножко, я так бы сказал, мы стали жить лучше, особенно за счет того, что уже там казахские колхозы организовывались, всё, и не могли найти, кто мог сделать на быков ярмо, потому что пахали на быках, тракторов не было или их не хватало. И запрягали на плуги шесть быков, два, два и два, это три пары, три пары, а для этого нужно было делать ярмо, и он сказал, что я и на Кавказе не пошел в колхоз, и здесь не пойду, пускай меня убьют. Пусть привезут материал, придут люди, я им покажу, как надо делать ярмо». Я это к чему говорю, то есть мы жили лучше других, и он всегда... Был огромный казан, просто огромный казан, в котором варят бозу, и он вот в этом казане делал кашу и мне говорил: «Иди всех зови». Но люди уже знали, и все шли с тарелкой и с ложкой, и вот он... сидел и каждому, каждому... Огромный казан был, вот такое дело. Всё время помогал, очень занимались милостыней, если мука, что-то, и мне всё время говорил: «Давай, сынок, вот им отвези». Тарелка, ну, что там в тарелке муки, это что такое? Принесешь, а я вспоминаю, была такая Шарипа Кикиева, а у нее было семеро детей, одеть было нечего, и вот мои ровесники, ребята, ходили без штанов, ну, типа майки что-то, и всё, а штанов нету. И всегда говорили мне: отнеси им, большая семья. Занимались, очень сильно занимались... Я вообще удивляюсь, очень сильно занимались милостыней, а другие говорили, что «мы слышали, что у вас был запах говядины, запах говядины, если вы шурпу сами поедите, кости не выбрасывайте, мы кости будем кипятить, чтобы... еще бы бульон, бульон», чтобы запах отдаленный был, чтобы на нем что-то приготовить. Вот такое дело. Вот в таких условиях мы жили, я ходил в школу, пошел в школу. Там, я помню, школа имени Трубицына была, в Мерке, я пошел туда, в школу, и уже в основном на казахском [говорил], хотя казахов почти не было, но преподавали на казахском. До сих пор у меня с русской грамматикой [плохо] почему, потому что до пятого класса на казахском, основа закладывалась грамматикой, а потом уже я приехал, уже здесь я пошел в шестой класс. Вот такое дело. Вот таким вот образом. Очень тяжело было, невозможно рассказать, невозможно рассказать, сколько умирали, умирали, умирали, возвращались из фронта люди. И вспоминаю, мать мою часто забирали, вы знаете, забирала НКВД, у нас же была своя милиция, она называлась НКВД, комендатура. А районный центр был за 270 километров, за 270 километров. В силу того, что... А по отцу... Я был выслан с семьей матери, матери, с дедом, с бабушкой по матери. А семья по отцу, они были репрессированы в 1930-е годы, в 1930-е годы были репрессированы, почти всех уничтожили, отец мой говорил, что 58 ребят моего возраста, всех не стало, всех не стало. Такое дело. Дед был репрессирован, несмотря на то, что он был — я вам покажу документ — он был политическим комиссаром кабардино-балкарских революционных войск, но тем не менее, он, когда пришла революция, он... Я как бы перебегаю, рассказываю для того, чтобы здесь дополнить. Вот он отдал все земли, всё, вот здесь, в городе Нальчик, около двух тысяч гектаров земли, это был организован на фоне города Нальчика, и села Акъ суу, которое сейчас чаще называется Белой Речкой, был организован колхоз «Коммунар» и село Хасанья, и он две тысячи гектаров земли отдал революции и поехал воевать за власть Советов. Вот такое дело. Более или менее, но в документах, которые я встречаю, где описан, описывают 1870 гектаров земли, тут есть в документах, в книгах разных, статьи в газетах. За счет того, что он добровольно отдал, оставили за ним четыре гектара земли, в 1930-е годы немыслимо было, чтобы в городе было у человека четыре гектара земли, но с печатью, всё оформлено, и когда пришли его забирать, забирать, репрессировать, в

документе, в документе НКВД написано, что он земли держал открыто. А ему было нечего скрывать, зачем ему было это скрывать, почему, потому что он отдал добровольно, само государство ему оставило эти четыре гектара. Вот такое дело.

00:23:23

Исмаил, представьте, пожалуйста, деда полностью: фамилия, имя, отчество.

Дед Акаев Хаджимурза Арсланович, Арсланович.

00:23:37

То есть до революции он был помещиком. Или кто он был? Или князь, его статус каков?

Вы знаете, ну те доносчики, которые на него писали и на моего отца... Вот, допустим, на моего отца писали так, писали, что «князий сын», так писали. А дед, ну, так, чтобы сказать, что нас называли князьями, только враги называли князьями, если так честно сказать, а в народе, в народе нас не называли. Ну мы были, я считаю, мы, может быть, даже были выше князей, я бы так бы сказал. Почему, потому что... Это надо затрагивать мировую историю, потому что есть факты, неоспоримые факты, если мы даже возьмем истории ряда европейских стран, где принимали участие именно из нашей фамилии. Но там, правда, не Акаев написано, а Акай, Акай — это «белая луна», значит, переводя на русский язык, «Белолунные», такое дело.

00:24:57

Еще представьте, пожалуйста, полностью отца, тоже фамилия, имя, отчество и год рождения, если можно.

А отец... А отец мой Акаев, Акаев Касым Хаджимурзович, Хаджимурзаевич, да.

00:25:10

В каком году он родился?

В 1910 году.

00:25:15

И тоже он был коренным...

Да, да. Да, Нальчиком. Но отца... У деда, у деда было две жены, одна была балкарка, мать моего отца, а другая была из сосланных на Кавказ... Уже забыл... Литвинова-Голицына, дед был женат на ней. Когда деда репрессировали...

00:26:06

Чуть подробнее. Когда деда репрессировали...

В 1933 году.

00:26:10

И при этом он был каким-то высокопоставленным чиновником при советской власти?

Да. Да, да, он уже был пенсионером в это время, когда его репрессировали, ему было уже 73 года, и в 73 года его репрессировали. Вот это, что ему оставила власть, наоборот, его обвинили, назвав его помещиком и так далее, и так далее, и его репрессировали.

00:26:43

Как это было? Когда вы узнали о том, что он репрессировал?

Я узнал уже, вы знаете, наверное, мне уже было, ну, может быть, лет 16, 14. Я уже знал, что... Ну, я слышал, что говорили, а осознал, что это такое, потом. А отца, а отца, значит... Когда Нальчик был под немцами, здесь был...

00:27:17

Сейчас... Только... Чуть-чуть давайте вернемся еще к деду. В 1933 году он был арестован и в том же году расстрелян — или не так?

Да-да, и в том же году, и в том же году он был, да, здесь, в нальчикской тюрьме.

00:27:31

А кого-то из жен коснулось это?

Матери, матери... то есть отца мать, она умерла, будучи совершенно молодой, после того как родила моего отца. А ее, после того как репрессировали деда, ее сослали в Алмату с дочкой. Дочке было лет 12, сослали ее в Алмату, и она... Еще у них была бабушка, бабушка. И бабушка умерла уже в ссылке, второй жены мать умерла в ссылке, в Алмату, и девочка в 12 лет ходила на кладбище... И когда мать куда-то уходила, она уходила на кладбище, где бабушка. Ну, видимо, любил ребенок бабушку. И мать вроде говорила, что она прямо ложилась на могилу сверху и плакала — и простыла, и простыла, и она, двухстороннее воспаление легких, и она тоже умерла, вот эта девочка. Судьбу ее неизвестно, неизвестно, и она, вы знаете, огромное количество документов, которые были... Этот период революционной деятельности, с Кировым, фотографии вместе с Кировым. В том числе его друзья, такие как Султан-Хамид Калабеков, который был личным телохранителем Кирова. Вы знаете, когда в Кирова стреляли, он закрыл его грудью и был убит. Об этом написано, и ему памятник в честь этого поставлен, вот такое дело. То есть были люди, которые до конца были преданы революции, которые поддерживали, несмотря на то, что они были не бедные и было им что терять. Но тем не менее, как-то... Нас коснулось, я бы сказал, ведь балкарцев выселяли — это не первый раз.

00:30:06

Вопрос. Значит, деда арестовывают и расстреливают в 1933 году?

Да, да.

00:30:11

Отцу в это время 20 лет.

Да.

00:30:14

Что с ним происходит? Где он в это время?

Отец, отец, значит, до того как... Он рос с тетей, отца своего родной сестрой, ее звали тетя Джамиля.

00:30:30

А с тетей он рос почему?

Ну потому, что мать умерла его, я сказал.

00:30:35

Мать... Мать была сослана в Алмату?

Нет, мать, это была сослана в Алмату другая мать.

00:30:42

Другая жена?

Да. А его мать умерла еще раньше, когда ему было лет пять.

00:30:47

А, поняла, поняла.

Да, когда было ему лет пять. Вот такое дело. И его отвезли в Москву, и он там рос у родственников, у родственников. И всегда мне говорили мои вот даже друзья, ну мальчишки бегали: «Почему, — говорит, — вашему отцу когда мы говорим “салам алейкум”, а он говорит, “здравствуйте”?» Вырос он в Москве, в последующем он поступил в ГИТИС, вот ГИТИС, Государственный институт театрального искусства. Нет, он сперва поступил, сперва поступил в какой-то торговый институт. Его оттуда исключили как сына помещика или князя, не дали... Потом он поступил в Мясомолочный институт, оттуда его тоже исключили, потом он поступил в ГИТИС, там уже его не трогали. Не трогали. Ну, это я со слов рассказываю уже, как это было.

И вот он закончил. Закончил.

00:32:11

И как он оказался в Нальчике?

Вот. И уже... Да, если б вы не сказали, я бы никогда это не вспомнил. И когда был в Советском Союзе период поднятия национальной культуры, национальных республик, его пригласили к Луначарскому, как человеку оттуда, и сказали, что «тебе надо ехать в республику Кабардино-Балкарию и там организовывать свой совхозно-колхозный театр». И он приехал сюда, создал здесь студию, студию. Оттуда из Москвы помогал очень известный театральный деятель, который вошел в историю театрального искусства, Судаков. Судаков курировал эту студию, приезжал сюда. И он, набрав актеров здесь, проводил с ними курсы. Вот такое дело. И в том числе среди актеров этих был и отец Тамары Кумыковны Акаевой. Вот такое дело.

00:33:36

В каком году отец приезжает в Нальчик?

Отец в Нальчик приезжает, вы знаете, если я вам скажу... Какие годы... Вы знаете, не могу сказать. Но знаю, что после того как он здесь создал этот театр и поставил первый спектакль «Любовь Яровая»... «Любовь Яровая», это был первый национальный балкарский спектакль, «Любовь Яровая», который поставил мой отец. Он был режиссером этого спектакля, отец.

00:34:17

Исмаил, я просто хочу понять, отец застал здесь деда или деда уже?..

Нет, нет, нет. Деда, деда уже не было.

00:34:28

В любом случае отец приехал сюда уже после 1933 года.

Совершенно верно, да, да, да.

00:34:35

И он поселился в доме деда или он какое-то новое жилье нашел?

Нет, у нас был дом. У нас был дом. Это по улице Горская, которая в последующем была названа Воронцова. А после Воронцова она была названа Карашаева. А после Карашаева она была названа Кабардинская. И там, я сейчас номер дома не помню, был наш дом. Был дом, который как отцу принадлежал. То, что остальные были дома, гостевой дом — сейчас он находится... санаторий «Комсомолец». Ну, правда, его пристроили, пристроили, сделали большим. Это был гостевой дом. А дальше, на горе, на горе, где вспоминает Кайсын Кулиев, где он сидел и гостил у отца в Долинске, будем так говорить. Долинск раньше назывался Ассакабак, то есть «поселение ассов», если перевести на русский язык. Ассакабак. Вот такое дело. В том числе там дальше идет следующий — Волчьи Ворота. А это назывался Бюрлюкабак по-балкарски. Ну и перевели по-русски, если перевести, она Волчьи ворота получается. Вот такое дело. Вот таким вот образом.

00:36:19

Еще вопрос. Еще вопрос. Извините, отец женатым возвращается из Москвы или холостым?

Нет, он приезжает и женится здесь на моей матери. Моя мать тоже была участником этой студии, студию, которую он создал. Она и танцевала, и роли какие-то исполняла. И там, вот в этом доме у него забрали и ему оставили только, ну скажем, сказали, две комнатки, что ли, ему оставили, сказали: «Вот это твоё», а остальное отдали другим людям. В том числе, я помню, наш сосед, наш сосед был кабардинец, Мидов Хажисмель его звали. Он тоже был режиссером, кабардинским режиссером, а его поселили рядом. Сказали, что теперь так надо жить. И они были большие друзья, общались друг с другом. Я помню, что у него была дочка Татьяна. Татьяна звали дочку, маленькая была. Такое дело. Вот так вот начинали жить.

00:37:47

Маму представьте еще, пожалуйста, как ее звали полностью, фамилия, имя, отчество, год рождения.

Да. Мать моя была из Басханского ущелья. Правильно не Баксанское, а Басханское ущелье. Из Басханского ущелья, из Герхожана. Герхожана. По фамилии она была Байзулаева Кемилат Саламгериевна. Я почему, когда Гериевы говорили о фамилии, я обратил на это внимание. Такое дело. Но тоже очень был известный старик, дед, с которым я вырос, с которым я ушел в пересылку, с которым я всё пережил. Может быть, даже благодаря этому деду я остался жив и здоров. Почему, потому что я, уже возвращаясь сюда, очень сильно заболел, малярией заразился там. Очень сильно заразился малярией. Еще оно добавилось. Вот плюс вот таким обездоленным людям не хватало вот этой вот болезни. И те, которые держались, и их тоже покосила вот эта малярия. Малярия. И я помню, мне всегда было холодно, а там жара, а мне холодно. И я бабушку всё время просил: «Принеси, толстым одеялом меня укрой». И говорил: «Дай мне кислый айран, чтобы он был кислый». А она приносила мне свежий, а я отказывался пить. Она говорит: «Пойду у соседей возьму». Она никуда не ходила. Она обходила дом, приносила один и тот же. И я всё равно его не пил. И я ей говорю, я говорю: «Кислый айран есть у тети Айшат, вот пойдешь к ней, у ней возьми кислый, я тогда поправлюсь». И давали лекарство «Хино», называлось. Желтые такие таблетки «Хино». Не знаю, где находили, но кроме меня, я не помню, чтобы кто-то пил лекарство. И я вот так вот выжил. Вот эта малярия, и всё благодаря деду. И питание, и всё, и так далее. Как-то мы, я скажу, более благополучнее, чем остальные семьи, мы пережили вот эти трудности — всё благодаря деду. Благодаря его рукам, его умению, как он научил там людей, там ему какие-то трудности писали, несмотря на то, что он прямо дома учил, дома делал, чтобы пахали. А колхозные поля, они бескрайние. И я помню, мне уже было лет 12, и сказали ему, надо тоже идти на работу. Погонщиком быков. И я был погонщиком быков. То есть идешь, первая пара у плуга, вторая пара в середине и первая пара впереди. За среднюю пару держишь, за вожжи, вожжи, быков и кнутом задних подгоняешь, передних и тех, которые вот, и идешь. И быки ложились в борозде, высывывали языки, не могли идти. Не могли. Понимаете как? И те быки, которым сделали неправильное ярмо, оно их раздирало шею до крови, до крови. Я вспоминаю, часто вспоминаю. И эти бедные животные ложились в борозде. Наверное, погибали прямо в борозде. Потому что тут говорили: давайте-давайте, надо сеять, давайте. А бороновали на лошадях. Бороны цепляли на лошадей и лошадьми бороновали. Вот такое дело.

00:42:11

Такой краеведческий вопрос немножко не про семью. Известно ли вам, где происходили в 1930-е годы эти массовые расстрелы? Где в Нальчике?

Ну, как мне говорили, как мне говорили... Тоже из слов я могу сказать, больше они проходили, как раз где наши земли. Это вот в сторону Долинска, в лесу там. Вот якобы там происходили. И еще происходили на пути, если как ехать в Прохладный, Прохладный. Есть такой Прохладненский район. То когда едешь, с левой стороны, с левой стороны там, там хоронили. И здесь, якобы, слышал, что было так. Но деда, деда отдали, деда отдали, и его отвезли в Быльму, есть такое село. И там похоронили деда.

00:43:19

Деда отдали тело?

Отдали тело, да.

00:43:22

А где находилось НКВД, известно?

Оно находилось... говорят, что... Я не знаю... точно я не могу сказать. Одни говорят, где бывшая поликлиника. Другие говорят, что по проспекту Ленина, по проспекту Ленина, Ленина раньше называлась Степная, вот угол Степной и Почтовой. А Почтовой называется сейчас... Ногмова, да Ногмова называется. Вот такое дело.

00:44:07

И вот вы рождаетесь в семье с таким замечательным папой и мамой. Вы один ребенок в семье или вас много? Вот до депортации в каком составе живет в семье?

До депортации мы так и жили вот втроем. Потом, когда началась уже вот... Втроем мы жили, вот там, где я говорю, буду называть, как теперь она называется, на Кабардинской улице. Вот там мы жили. Оттуда мы... Мать, чтобы деда с бабкой не оставить, вместе со мной уезжает туда. Мать знала раньше, что нас будут выселять. Она узнала здесь, в каких-то кругах были связи, какие-то знакомства, и говорили, что, говорят, что балкарцев будут выселять, говорят, что балкарцев будут выселять. И она вынуждена была поехать подготовить семью там, родителей. И я поехал вместе с ней. И мы приехали, и на следующий день выслали, уже приехали выселять. И бабка сказала, мать: «Ничего не трогайте, ничего не убирайте. Вдруг

сын вернется с фронта, чтобы он когда придет, чтобы всё было убрано, всё было убрано». Единственное, дед сказал, что надо отпустить собак, надо выпустить коров с сараев, скот, овец, чтобы они были свободные. Но они никуда не уходили, но чтобы не были привязанные. Вот такое дело.

00:45:56

Вопрос. Отец был призван в армию?

Отец был призван в армию. Отец был призван в армию. Он, насколько я знаю, он был призван и находился во Владикавказе. Владикавказе. Тогда это называлось Орджоникидзе. Да, Орджоникидзе. Орджоникидзе, наши называют его Даудшахар, то есть «город Дауда». А почему так, не знаю. Это уже история. Вот такое дело. И его отпустили, отца, отпустили сюда. Отпустили сюда отца, он приехал, и в это время был... Якобы поможет он чем-то, но были наши, которые попали в этот... И отец, когда уже вернуться туда назад, говорят, его часть с Владикавказа уже ушла, ушла на фронт. Ушла на фронт отца часть. И когда немцы отступали, ряд людей, ряд людей, которые они забрали с собой, ну, много, много людей. И там были всех народов, и русские, и кабардинцы, и другой нации, и отец мой. Всех, всех забрали. И часть из них сбежали с вагонов на территории Румынии. На территории Румынии сбежали. На территории Румынии они сбежали и сразу пошли — уже русские войска были в Румынии — и пошли туда в комендатуру. И сказали, что вот так-то, так-то, так-то. И всех, говорят, которые пришли, всех, говорят, взяли, арестовали. И всем дали по 25 лет — и домой, в Сибирь. Отцу, правда, дали 10 лет. Почему, не знаю. Отцу 10 лет. Всю свою жизнь он писал, всю свою жизнь это... Потом его реабилитировали. Я, кстати говоря, с собой принес документ этот. Отца реабилитировали.

00:48:33

Исмаил, тогда... Просто чуть-чуть путанно получается, я сейчас скажу, как я поняла. Если я поняла неправильно, вы меня поправьте...

Да.

00:48:42

...и расскажите, как правильно.

Да.

00:48:44

Отец был призван с началом войны в 1941 году и служил во Владикавказе.

Я даже не могу сказать, он в 1941-м, или в 1942-м, или каком. Вот если я здесь скажу точно, я скажу неправду. Я точно не могу сказать, в каком году он был призван.

00:49:01

До наступления... до наступления немцев, до появления немцев, он оказался в Нальчике. А к тому моменту, когда ему нужно было возвращаться, Владикавказ уже был под немцами, так или не так?

Нет, нет. Часть, часть его ушла. Часть его ушла. А здесь уже немцы или его взяли, или арестовали, или что сделали. Вот тут я уже не могу сказать, как это здесь уже всё это было. Не могу с точностью сказать. Или его арестовали, или как это случилось. Ну, как я слышал, что их вот многих забрали с собой как рабочую силу везти в Германию, чтобы там они работали. Я не знаю, насколько это так, насколько так было, насколько так не было. Свозили ли они живых людей, отправляли ли они туда. Говорят, что отправляли. Но если бы он туда, если бы... Я просто логически так думаю, если бы он хотел сам с ними поехать, к примеру, зачем ему надо было бежать? А если и убежал, зачем надо было идти в комендатуру сдаваться? И не ему, а они многие пошли туда. Но всех тех, кто оказывался там, всех считали как предателей. Как предателей. Это все люди были репрессированные. По всему Советскому Союзу таких людей было миллионы и миллионы. Вот такое дело.

00:50:55

Поняла. Когда вы вживую увидели отца, когда вы встретились?

Я вживую... Вы знаете, я вживую отца встретил... Нам же не разрешалось ездить. Вот, допустим, те, которые[x] выслали в Казахстан, не могли поехать даже в соседнее село без разрешения комендатуры. Комендатура же была, мы не имели права никуда ходить. Мы только

имели право определенно... Если даже идти на базар, надо было брать разрешение. Вот такое дело. Деда два раза забирали, потому что он разрешение не взял. Вот было такое. Да, вот хорошо, что вы меня навели еще на один... Вот когда мать мою забирали, я говорил, что мать мою забирало НКВД и увозило в Джамбул, в районный центр, за 270 километров отсюда. И говорила, ее там держали в одиночной камере, мать мою, и говорили: «Что планировал ваш муж, какие у него были планы, что у него было это...» Ну, она, наверное, говорила то, что было на самом деле, не знаю, что она говорила, какие там она показания давала. Потом опять ее отпускали. «А вы знаете, — говорят, — он расценивается как враг народа». Как враг народа. Она говорит: «Не знаю, не знаю». «Мы, — говорят, — его расцениваем как врага народа, и вы должны знать, почему он оказался за рубежом, за рубежом в другой стране». Она даже не знала, что его вот так вот... Туда кто-то арестовал, кто-то это... Вот таким вот образом.

00:53:09

Исмаил, так удалось ли вам встретиться вживую с отцом?

И вот да. И мне мать говорит: «Отца твоего освободили. Он, — говорит, — находится у тети, которая его растила». А они были в Узбекистане. В Узбекистане там есть такое место Чирчик. Они были туда высланные. «И он, — говорит, — взял туда поехать». Почему, потому что мать уже моя была замужем. Мать была замужем уже за другим браком. Почему, потому что на протяжении вот этих вот 15-16 лет она ничего не знала о нем. Ничего не знала. Или знала, что ее таскают, знала, что его обвиняют. Она считала, что его или расстреляли, или где-то что-то с ним случилось. Ну, вроде все говорили, что надо выходить замуж, «ты еще молодая», туда-сюда. И она вышла замуж. Вышла замуж за карачаевца, который там... Все балкарцы, которые жили, где мы живем, все были родственники. И она вышла замуж за карачаевца. За карачаевца. Вот такое дело. Создала семью. Там у нее было три сына и дочь, от той семьи, матери. Вот такое дело. А я как с детства, как вот мы с Нальчика поехали, чтобы мать собрала в Герхожане стариков к ссылке, и с тех пор я так и жил с дедом, с бабушкой, пока они не умерли. И мне где-то... Мне было, наверное, 14-15, мать говорит: «Давай я тебя отправлю туда, поездом. Поедешь, проведешь отца». Я говорю: «Я не поеду». Она меня, наверное, уговаривала, ну каждый день, может быть, это длилось в течение года. Почему, потому что... Ну, я не хотел никуда... Мне не нужен был... Я никогда не хотел жить и с матерью. Мать хотела меня приучить, чтобы я жил с ней. Я вот лягу спать... Вот вы не поверите. Знаете, иногда правда когда граничит с ложью, лучше о ней не говорить, ибо могут посчитать за человека... лгуна. Я лягу спать, а она обувь, одежду мою забирала к себе в спальню. И я, вы знаете, и всё равно я в трусах и майке убежал к деду с бабушкой. А примерно надо было бежать... Ну я так скажу. Ну вы Нальчик не знаете... Как бы вам сказать в километрах... Ну, наверное, километров 12. Да, километров 12. Так далеко они жили. Там ходил автобус. Автобус ходил. И я убежал. И мать тогда приходила, я помню, как она приходила к деду с бабушкой, сидела и плакала. И ругалась на деда и на бабушку. И говорила: «Если бы вы строго ему сказали бы или побили бы его, он бы никогда к вам бы не пришел бы. Он бы жил бы со мной. И если, — говорит, — он к вам придет, я ему буду писать расписку. Если расписки нету, чтобы он к вам не приходил, не пускайте его, скажите: “Иди туда домой”». Честно говоря, в той семье, я не могу сказать, что ко мне плохо относились. Не могу этого сказать. Но я, вы знаете, какой-то, я был очень тяжелый ребенок, я вам должен сказать. Очень был тяжелый ребенок. Просто я теперь понимаю, сколько я трудностей своей матери доставил, что в школе, что в подростковом возрасте. Я был очень тяжелый ребенок, очень тяжелый ребенок. Можно сказать, был большой хулиган. Понимаете, как? Вот такое дело. И почему я этот... И к отцу я когда приехал... Да, я что-то хотел сказать...

00:58:01

Вряд ли вы его помните.

Да, я его не помню. Да.

00:58:04

А потом проходит... Он сидит 10 лет. То есть это первая, вот когда вы едете к нему, это практически первая встреча с отцом? Или вы, может быть, какие-то письма от него получали?

Нет, это была первая встреча для меня с отцом. Это была первая моя встреча с отцом. И скажу, как парню, мальчику такому боевому... Я думал, я думал, мой отец такой драчливый, такой, смелый, а он какой-то интеллигентный, такой какой-то это, в галстук. Думаю: нет, это не мой отец. И мне он не понравился, как он выглядит, понимаете, как? И я как-то его не воспринял. И я жил, и я ему всё время говорил: «Я хочу опять назад, к деду с бабушкой». Мать я вообще не вспоминал. А он... Ну я слышал, он тете своей говорит, и тетя тоже говорит: «А он нас даже, он с нами даже не считается, он нас вообще ни во что не считает. Что за такой ребенок?» И он не

отправлял меня, не отправлял.

00:59:37

Вопрос. Вот когда вы поехали к отцу, он женился второй раз? У него была жена?

Нет, нет, не было жены.

00:59:45

Он один жил?

Он жил один, он жил один, он жил один... Он жил один, всё. И, значит, такая история, боже мой, если всё это вам рассказывать, ну раз рассказываешь, как говорят, из песни слово не выкинешь. Он жил один, и я взял и убежал от него, убежал от него, и он узнал, и там он попросил еще людей, там человек на мотоцикле, там хлопковые поля, и я по хлопковым полям, чтоб меня не это... И там они спросили: «Вы не видели там этого?» Узбеки там с тяпками ходят, и они сказали: «Да, мы видели мальчика, такой вот, вот сюда куда-то пошел». И в общем, меня поймали, меня поймали, опять вернули, вернули к отцу, и он видит, что ничего не получится, и он меня посадил на поезд, на поезд, и опять отправил назад к матери. И я вернулся опять к деду с бабкой, жил с дедом, с бабкой. Вот такое дело. Мать жила со своей семьей, и когда уже наступило время возвращения, я уже многое понимал, я не хотел ходить в школу казахскую, ходил тяжело, мать, бедная, троих детей бросала, только мной занималась. Вот вы верите, не трое, а четверо, три сына и дочь. Вот она больше занималась мной, чем ими троими. Потому что то я убежал, то меня дома нету, то я сел на крышу поезда и поехал куда-то. Я помню, была очень красивая девочка, но она училась в шестом классе, старше, чем я, и она мне нравилась, а я был в четвертом. А они были с Кемерово, с Кемерово, и я не знал, где Кемерово, и они туда переехали, переехали туда в Кемерово, обратно. Русские. И я решил к ней поехать. Я пришел на поезд, а тогда же паровозом, этот... углем топили, топка была. Залез, где эти поезда, сел на крышу поезда и поехал, и поехал. А раньше на крышах поездов очень многие ездили, особенно очень многие ездили бывшие фронтовики, которых никого не осталось, даже инвалиды были такие, почему, потому что... И поехал не в ту сторону, и я попал в Ташкент, опять я в Ташкент попал. В Ташкент приехал, Ташкент я приехал... Если я вам расскажу, вы знаете... Приезжаю я в Ташкент, что-то в Ташкент я много раз возвращался. И у меня внешний вид был, я ж на крыше, и уголь несет воздухом от паровоза, мелкую пыльцу от угля, что там написано, который кочегар в топку бросает, и я весь черный, одежда моя черная, понимаете, и куда ни приду, милиция ко мне пристаёт. Я, значит... И мне сказали: «Ты, наверное, бродяга». Я говорю: «Да, я бродяга». «Ну вот, — говорит, — бывший старый вокзал — это дом бродяг, там очень много с Сибири, с Севера, с Урала, все тама, иди туда». И я вот приду туда, и я помню, боже мой, безногие участники войны с тачками в соломе лежат, тачка где-то там, немножко одни выпившие, другие или безногие, или еще какие-то, и мне всегда говорили: «Мальчик, иди укради что-нибудь, народ кушать хочет». И я пойду что-то, где-то что-то, действительно, что... А уже меня всё время за одежду задерживали, а где одежду взять, где одежду взять? И я думаю, пойду, я пошел во дворы, где белье сушится, белье сушится, я смотрю: все штаны большие, и рубашки все большие. И увидел чуть-чуть меньше, чем большие, я их снял, свои повесил, их одел. Несмотря на то, что они такие. И пошел, и пошел. И мне говорят: «Тебе надо попасть на территорию мясокомбината ташкентского». Я говорю: «А как я туда попаду?» «Там, — говорит, — Иван кочегаром работает, кочегаром, топит там, скажешь Ивану, что народ умирает, кушать хочет, он всё организует, ты нам поможешь». И я думаю... А там бараны, в Средней Азии, что скот возят, бараны... бараны, крупный рогатый скот — на мясокомбинат стоят. И я залез среди баранов туда, среди баранов залез в вагон и вместе с баранами попал в убойный цех. В убойный цех... Ну, вы потом уберете то, что вам не надо. В убойный цех, и когда уже попал на территорию мясокомбината... И мне сказали: «Ты увидишь, где дым идет, с котельной дым, труба стоит, и дым идет, иди туда, и там будет Иван, к Ивану придешь, и он всё организует». И я пришел туда. И он мне... Я говорю: «Вот так-то так, сказали, что люди кушать хотят, я из дома бродяг, вот так и так, кушать надо организовать». Он: «Как ты попал?» Я говорю: «Вот так-то так, с баранами». — «Ну ты даешь!» Туды-сюды, меня так потрепал за волосы. «Сейчас, — говорит, — постой». Я вижу: бочка такая, скажем, из-под бензина, и разрезанная посередине, если их перевернуть, получается один котел и два котла, и под них солярка, солярка, топка. Он солярку зажег, закинул туда — полбарана сюда, полбарана туда, краны открыл, сварил это мясо, всё. Он знал, как надо... А выйти он мне сам, он вывел, мешки перекинул туда, на ту сторону, вот такое дело. Лепешки положил, узбекские такие лепешки, сейчас уже их везде продают, в том числе и здесь тоже. И я принес... То есть такой я был, ну, неординарный молодой человек был, я вам так скажу... Даже не молодой человек, а мальчик. И они все меня боготворили, боготворили, они всегда, когда кушать надо, что надо, всегда меня просили, понимаете. И были и другие, но почему-то считали, что это я могу только сделать. Вот такое дело, вот так вот. И когда я отца увидел, интеллигентного человека, а я думал, он будет такой, как в доме бродяг, такой... И он мне не понравился, думаю: ну, как это так, туды-сюды.

01:08:52

Были ли еще встречи с отцом?

Да.

01:08:55

Или это был первый и последний?

Нет, нет-нет-нет. Затем, значит, в 1956 году, нет, в 1955 году вышел указ Маленкова, что спецпереселенцы могут ездить по всему Советскому Союзу, кроме республики, края и области, где они родились. Туда нельзя, а туда можно. И деду объяснил... Мать объясняла деду, рассказывала, я как сейчас помню. И фамилию помню Маленков. Не знаю, кто он был тогда. И дед говорит, если туда... То есть мать объясняет, что Бештау, ну, по-балкарски это Пятигорск, в переводе «пять гор», пять гор, Пятигорск, говорит: «В Бештау ты можешь поехать, в Даудшахар ты можешь поехать, то есть Владикавказ, а вот сюда в Нальчик ты поехать не можешь, не разрешено». Он говорит: «Нет, если туда разрешили, и туда разрешат, я собираюсь». Он сидел с палочкой и с палочкой на бабку показывает так: «Я даже ей не говорю, чтобы она собиралась. Кто хочет ехать, собирайтесь, я с завтрашнего дня собираюсь». И кричит дяде Исхаку и говорит: «Сын, ну-ка, иди сюда, иди сюда». Около топки, очага, уголь лежал, углем топили, уголь так палочкой взял и говорит: «Иди напиши, дом продается, углем». И дядя пошел, написал: «Дом продается». И, говорит, надо... Уже было так, что лошадь у нас была, корова у нас была. Он говорит: «Надо животных тоже продать». А животные, коровы, я как сейчас вспоминаю, большая такая черная корова по кличке Карамай, как сейчас я помню,

01:11:35

Карамай?

Карамай, Карамай, да. И говорит: «А кому корову продать, кто корову купит?» И сказал: «И лошадь продайте, и корову продайте, кроме казахов, продайте любой нации, цыгане если захотят купить, они за лошадьми неплохо смотрят, русским, любому другому, казахам — нет. Они на корове верхом ездят, в носу дырку делают, седло ложат, и на коровах ездят». Они действительно ездили на коровах. «Они, — говорит, — плохо относятся к животным». И действительно, вот сейчас у меня перед глазами стоят их бараны, их коровы — кости, это можно было анатомию изучать по этим животным и лошадям. Лошади, вечно у них [нрзб] седлом набитый здесь, на спине. И он не хотел, говорит: «Грех потом будет мой, потому что я отдал животное не в добрые руки». То есть продал не в добрые руки, он не отдавал их, а продавал. Ну, в общем, я не знаю, лошадь куда определили, а коровы — всё время деда не устраивало, кому он продает. Он говорит: «Им самим кушать нечего, как они? Они сено не делают, не косят, иногда сено, если надо, у меня берут сено». А он и сено косил, и всё, и никому покоя [не давал], всех заставлял работать, то есть мы выживали за счет работы, за счет движения. Но у людей сил не было, вот эти думки, вот это горе, оно всё время давило, давило, давило людей, очень было сложно. Вот это вот оживление, уже вот к 1955 году намечалось, намечалось, вот такое дело. И в конце концов никого не устроило, он говорит: «Я ее тогда лучше зарежу, я ее зарежу, если зарежу, грех... корове, ни на ком не будет». Ну, как-то по нашему обычаю, может быть, это жестоко, но у нас так, он говорил: «Бить никогда нельзя животное, если не нравится, ее лучше зарезать, и всё, а бить, делать больно — это грех», в таком духе. Почему-то так он говорил. Мясо тоже засушили, всё, в путь-дорогу собрались, пошли, а билеты сюда не продают, нам не продают, и купили русские соседи. Там Шурик был, мой друг, Ромуховой, да. Купили нам билеты, и вот тогда, 1939-й год, мне в ученическом билете... Ученический билет раньше был, в первый класс идешь — сразу фотография и ученический билет, обязательно. Так было, я не знаю, у нас так было или для спецпереселенцев так положено было, или для всех, не могу сказать. И дядя Исхак взял переправил, на «41» сделал, «41», с «9» он как-то «4» и «1», я стал 1941 года в ученическом билете. Но меня не взяли, только это показали. Взяли билеты, всё, а мать моя оставила семью, поехала нас сопровождать сюда. Приехали. Ну, дорогу я не буду вам рассказывать, потому что это целые приключения и там я затрону эту историю, историю политики, не хочу это затрагивать.

01:15:42

Нет-нет, вы расскажите, это было тяжелое, тяжелое возвращение, сколько времени вы ехали? Это был один поезд или разные...

Нет, нет, до Москвы мы ехали одним поездом. Мы ехали Алмата — Москва, Алмата — Москва или Фрунзе — Москва, вот точно не могу сказать. Вот ехали. А в Москве, когда мы приехали, не помню, на Белорусский или Казанский вокзал, оттуда мы должны были попасть на Курский, чтобы сюда ехать, с Курского вокзала шли на юг поезда, сюда. И это было целое дело, ну не буду говорить. Он знал о Москве много, он многое рассказывал, дед, о Москве. Он говорит: «Я всю жизнь мечтал, как хорошо, что я здесь оказался». Там много говорили, всё это. По-нашему

она имеет значение, он Москву называл совсем по-другому.

01:16:48

Как, как он называл?

Ну неудобно же мне на камеру говорить

01:16:51

Ну почему? Так и говорите, как называл дед Москву.

Ну, он называл... Я всю жизнь мечтал, и дед мой говорил, отца отец, что... Побывать там. Он называл Маскала [ин. яз.], то есть «я приехал в Маскалу», Маскалу, он говорил Маскала, то есть это что получается, если перевести на русский язык: «вот она, ма — ма — аскала», «вот она, ассов крепость», вот он так говорил, понимаете? Дед говорил так.

01:17:37

И вы поехали смотреть Москву?

Нет, нет, нет, какой смотреть? Никто никуда не поехал, там столько было узлов, сухарей-мухарей, когда залезли в метро, не знали, как пользоваться, и все покатились, все узлы, чемоданы, всё затормозило, метро остановили, пока мы не слезли с метро все, остановили. Выключила, которая сидела там наверху, выключила. Мы, вы знаете, как горох все посыпались. Оказались на Курском вокзале, и он уже, дед — никогда не видел его таким счастливым, — и он начал напевать балкарские песни. И мне говорит: «Сынок, потанцуй, пожалуйста, потанцуй». И мы сидим, эти узлы все, на Курском вокзале, ну, я пытался, он поет и хлопает, и бабка, все начали хлопать, и я там, я танцую. Народ собрался, говорят: «Цыгане, что ли?» А этот говорит: «Нет, что-то на цыган не похожи». Ну, в общем... Приехали сюда, приехали сюда, слезли на вокзале в Нальчике. Вот здесь...

01:19:09

Сейчас еще вопрос. Вы купе взяли или в плацкарте вы ехали?

В плацкарте! Кто мог знать, что есть плацкарт, конечно, в плацкарте ехали, в плацкарте.

01:19:22

И правильно я поняла, что ехали вы, дед с бабушкой и тетя с дядей — или не так?

Да, давайте я.

01:19:32

И всех назовите...

Нет, нет, я скажу. Дедушка, бабушка, дядя, дядя, его сыночек маленький, маленький. Моя мать, которая сопровождала семью, остались четверо ее детей там в Казахстане. И я. Шесть человек мы ехали, мы ехали шесть...

01:19:57

Вопрос. Это были... Это был тот же состав семьи, который депортировали, ну, кроме народившихся, народившегося ребенка, вы, как вас депортировали этим составом, так и вернулись?

Совершенно верно. Я же в начале сказал, что наша семья, как остальные, как остальные, за счет, за счет, скажем, предприимчивости, за счет того, что... за счет рук деда мы выжили и здесь, и там. Он там сказал... Он, когда палкой, палочкой, я сказал, что он показал на бабушку и сказал: «Я и ей не говорю, чтобы она поехала». Почему, потому что там будет тяжело, там будет тяжело так же, как и здесь. Ну, раз знали, что, раз он сказал, надо всем собираться. Это был бы как бы намек на то, что надо всем собираться. И когда мы приехали, это все узлы... чемоданов было мало, больше были узлы, знаете, вот такое, как нажитки, пожитки, какие-то одеяла, что-то, что можно было с собой унести, каждый, и у меня был какой-то груз, у всех был какой-то груз. Собрали кучу, я сижу на вокзале. Приходит милиция, милиция приходит местная. Ну, не обратить внимание нельзя было на вот это всё. «А ты кто?» Я говорю: «Это я охраняю, охраняю». — «А где [взрослые]?» — «Ушли». А я не знал, куда они ушли. Они, взрослые, все пошли куда-то, пошли в город. Ну, мать, во-первых, знала город, может быть, к знакомым, я не знаю, может, куда, может, как. Потом еще пришла милиция. И наши подошли,

уже взрослые подошли. Я вижу, милиционер говорит: «Вы балкарцы?» — «Да, балкарцы, мы балкарцы». «Вы, — говорит, — не имеете права сюда приезжать. Вы можете ездить где угодно, но в Кабардинскую Республику вы не имеете права приезжать». Вот тогда я понял, о чем они там говорили, что переживали. То есть я уже сознательный был, я уже всё понимал. И всех взрослых забрали, опять я остался. И каждому выписали бумагу, все пришли с бумагами такими, лист такой стандартный. И там было... Ну, в общем, суть была: за 24 часа покинуть территорию Кабардинской АССР, 24 часа. Ну, они сказали: «Хорошо, мы это всё, сделаем так». И дед говорит: «Давайте в Тырныауз поедem, Герхожан, туда, в Тырныауз». А перед вокзалом стояли грузотакси, такие ГАЗ-51, тентом натянутые такие, много их стояло, прям вся привокзальная эта была... ГАЗ-51, стояли, полно. И взрослые наняли, мы там погрузились и поехали туда. Приехали туда, тоже не буду рассказывать как... Тогда была старая дорога с правой стороны, асфальта не было. Приехали. Только там уже... Там через неделю тоже пришли. Через неделю тоже пришли. Я уже знал почему. И дед говорит: «Давайте», — говорит. Есть... Было заброшенное село, Старый Былым, когда отсюда едешь, это люди, которые ездят, они... Когда едешь, сразу слева начинаются такие желтые скалы, и к ним прилеплены такие домики. И они пошли, нашли, в общем, землянку подготовили и встретили там балкарку, балкарку старую. Как полузаброшенное село было это. И удивились, что эта балкарка... Она говорит... А у нее, оказывается, муж был балкарец, кабардинец. Он умер. Она говорит: «Он умер, а что мне было там делать у них в селе? Я пришла, здесь одна живу, одна на всё село, никого нету». И она помогла, там землянка такая... Ну, наверное, почти как вот та комната, вот как эта комната большая. И побелена, правда, кое-где сошло. И мы остановились там, переехали туда. Дед сразу говорит: «Сегодня какой день недели?» Узнают день недели. Он говорит: «В воскресенье едем на базар. Я сейчас пойду искать сено». Думаю: сено, зачем сено? Он говорит: «Сразу едем на базар, покупаем дойную корову, покупаем муку. Всё-всё-всё покупаем. С дядей, дядей. Рано встаем». Ну такой был дед, такой был дед. Приехали, по-балкарски называется Басханкала. Это крепость Басхан. Это теперь город Баксан. Купили, я помню, красную корову такую, помню, красного цвета, такая красивая корова была, одноцветная, без единого пятнышка. А потом я уже узнал, это, оказывается, здесь разводились красной степной породы. Я очень люблю животных. Я все породы знаю. И сегодня, и новые, и старые, очень любил животных. Вот такое дело. Кстати говоря, у меня был... мать мне уже, когда сказала... со школы, я говорю: «Мама, если купишь мне ослика, я буду ездить в школу на ослике и буду каждый день ходить на уроки». И она мне купила ослика. Я ездил на ослике, и большой дуб был, я под дубом его привяжу, и все на большой перемене, кому давали покусать, все несли ослику хлеб. Все его кормили. Ну, вся школа надо мной смеялась. Ну, что-то трогать или обидеть ослика — боялись меня. И взрослые, и дети боялись. Вы знаете, ну, боялись. Я был серьезный мальчик. Вот такое дело. И, значит, после школы я книги сюда, на ослика — и вперед. И приезжал домой. К ослику еще вернемся. Почему я его вспомнил. И привезли эту корову. И мы зажили. Мы зажили. И меня мать начала уговаривать. Ну, я уже повзрослел. И она мне говорит: «Твой отец тоже приехал. Твой отец тоже приехал. Ты пойми, здесь школ нет, ничего нет. Как ты здесь будешь? Ты должен пойти к отцу. Он один, и он тебя куда-то, он тебя в школу определит. Ты пойдешь в школу». Вот такое дело. И я, значит, пришел. Приехали. То есть там вот так вот мы жили до 1957 года. Я всё ж таки жил с дедом, с бабкой до 1957 года там. Потом, значит, стоял колокол такой, радио. Там отделение совхоза было. Совхоз Эльбрусский был такой. Помню, как сейчас, был директор совхоза Мовсесьян. Мовсесьян, я эту фамилию запомнил. А это было отделение совхоза. И, значит... Что я хотел сказать?

01:29:29

К отцу. Мать хочет, чтобы вы отправились к отцу.

Ага, да. И, значит, мать говорит: «Надо тебе туда поехать». Да, почему я говорил... Там колокол стоял. Колокол стоял. И по радио... Мать говорит: «Будут объявлять о нас». И я вижу этот... Левитана голос: «Указ в президиума Верховного...» О переименовании вновь Кабардинскую в Кабардино-Балкарскую, Грозненскую в Чечено-Ингушскую и так далее, и так далее. Всё, всё. И мы сразу же начали думать, как переехать туда, в Герхожан, где деда-бабки село было. А мать мне говорит: «А тебе надо к отцу. Надо тебе там учиться». В таком духе. Я приехал к отцу. Конечно, я уже по-другому посмотрел. Я понял, что серьезный человек, тоже много пережил. Так я его начал понимать, что отсидел ни за что. Семья — семьи нет. Приехал, а жена замужем, четверо детей. Он один. В возрасте уже. И отца знали... Я не знаю, кто и как отцу помог. Отцу дали в бывшем коммунальном доме комнату. Сперва он снимал на улице Чайковского. Там жили грузины Лобжанидзе. Снимал у них комнату. Меня мать привезла в эту комнату к отцу. И потом отцу дали эту комнату, мы туда переехали. Отец взялся за меня, меня сразу в кружки, туда-сюда. Отца пригласили на работу. Попросили в театр. Он сказал: «Я в театре не смогу работать, нервы уже не те. С актерами работать, надо иметь нервы. Мне что-нибудь другое». Ну, говорят: «Давайте редактором литературно-драматических передач, чтобы вы там это всё...» Он начал работать, отец, такое дело. Я уже письмо начал... Написали мне ребята оттуда, где мы раньше жили. Такой я был, очень непутевый, вы знаете. И приходит оттуда, что ребята говорят: «Как ты уехал, нашу улицу, нашу улицу теперь бьют». А мы всегда дрались улица на улицу. Футбол играли — улица на улицу, дрались — улица на улицу. Такой

порядок был раньше. Я не знаю, сейчас этого нет. И улица на улицу мы пели, собирались и шли по улице и пели вечером. Когда уже люди спят. Такие военные песни. Вообще, интересное время было. Всё поменялось. Мне говорят: «Все уже нас бьют, туда-сюда». Написал мне... Был турок или кто-то, турок или полугрузин-полутурок, высланный из грузинской-турецкой границы. Была граница турки-мехетинцы. Что говорят, мехети. Там на границе которые жили, они тоже были высланы. Из них один, Ахмат его звали, он мне написал. Я говорю: «Мне надо туда ехать». Я думаю: как ехать? Я беру и сбегаю из дома, от отца. Отец в панике, матери все звонят, где он, что он, меня нету. Я пришел на вокзал, опять на крышу, до Прохладного. С Прохладного, я помню, на крыше поезда доехал до Саратова. С Саратова дальше... В общем, я приехал туда, приехал туда и прямо пошел к этому Ахмату. И говорю: «Кто вас бьет?» Он мне говорит: «Ты помнишь, где твоя улица, учительница жила?» Я говорю: «Да, на Профсоюзной». Это первая учительница, Юлия Ивановна. И вот, говорит, по соседству которые живут пацаны, они это... Мы пришли, он вызвал, и я очень сильно избил этого парня, который наших побил, с нашей улицы. Но мы дрались... Но мы дрались как мужчины — кулаками. Я его побил, я его побил. И, значит... И пошел, к себе пошел, туда. Пошел и, значит, думаю: кто еще есть? Ну, он говорит, самые главные эти были. Шурик пошел, Шурик тоже с нами пошел. В общем, мы стали опять героями, наша улица была героями, мы опять стали героями. Вот такое дело.

01:36:41

Уточняющий вопрос. Это в Казахстане происходит?

В Казахстане, да.

01:36:45

Вы вернулись обратно.

Да, я доехал до Казахстана, да, в Казахстане. В Казахстане. И живу там, живу там у дяди, дядя родной, старший сын деда, Ахмат, он еще жил там, я живу у Ахмата. Вот такое дело. И набирают ФЗУ на трактористов, комбайнеров и так далее, мальчиков набирали после седьмого класса. Я пошел тоже записался в ФЗУ, говорят: всех будем отправлять на целину, на целину будут отправлять. Вот такое дело. И я, значит, еду на целину... Нет, не еду на целину. Оттуда... Оттуда, значит, мы поехали... Меня не взяли. То есть ФЗУ, те, которые в ФЗУ учились, почти всех взяли, меня почему-то не взяли, и я решил сам добровольно поехать на целину. На целину поехать. И я поехал на целину. Я поехал на целину. Вот такое дело. Приехал на целину, и, значит, на целине... Я вообще удивляюсь. Это Акмолинская область, Атбасарская область, целина — русские, белорусы, украинцы, ни одного казаха я не видел, ни тракториста, ни комбайнера, никого. Только вот эти народы поднимали целину там. Вот сейчас когда говорят, я вспоминаю, кто поднимал эту целину, кто создавал эти земли, возрождал эти земли.

01:39:02

Вопрос. Вот эти украинцы, или русские, или балкарцы, это были там находящиеся люди добровольно?

Добровольно. Все.

01:39:14

Или это уже потомки высланных?

Нет, это все были потомки сосланных в основном. Потомки сосланных. Там, я не знаю, коренных русских было мало, и коренных украинцев было мало, белорусов. Это были в основном высланных, дети высланных народов. Там кругом были высланные, немцы, все были высланные. Соседи у нас были высланные. Я помню, соседка приходила, всегда мне говорила: «Позови грассмаму». А я говорю: «А что это, "грассмама"?» «Большую маму, — говорит, — позови». Я сейчас запомню, грассмама, грасспапа, то есть или деда, или бабу. Соседи были немцы, все были сосланные люди. Все были сосланные. Меньше всех было балкарцев, меньше всех было нас, там, именно в этом месте было меньше всех нас. Вот такое дело. И, значит, с целины я опять возвращаюсь, и мне говорят: «Ты знаешь, тебя разыскивают. Ты не хочешь поехать к дяде, отца брату, к тете Джамиле?», то есть к тете, которая вырастила мою мать в Узбекистане, в Узбекистане, которые не поехали еще. Но они собираются ехать. Ну, нормальные люди поехали, когда уже был указ, а такие, как... Ну, нормальные или как — это с какой стороны посмотреть. А дед когда понял, что сюда вот рядом можно, а туда нельзя, он всё, он говорит: «Мне надо умереть. Там кушать будет нечего». А бабушка говорит: «[ин. яз.], камни будем кушать, а водой запивать, и будет всё нормально». Вот, спокойной восприняли, что будут трудности, в таком духе. Как сейчас помню. Вот такое дело. И я опять на крыше поезда приезжаю туда, в Узбекистан. Еду в Нижнечирчикский район, в совхоз Пятилетку, где они

были. И они обрадовались сперва. Надо, мол, срочно отцу написать или позвонить. Телефоны и тогда были, но я не умел звонить, и там телефонов нигде не было. Дядя, может быть, мог откуда-то позвонить. Может, с почты или откуда. Что я живой. В общем, вот так вот я приехал. Говорят: «Хорошо, что приехал. Сейчас мы возим контейнер в Ташкент или в Чирчик на станцию. Контейнер закупили, вещи отправляем контейнером, а сами едем поездом». Вот такое дело. И мне было интересно, я уже второй раз в жизни ехал на поезде внутри, не на крыше, а внутри ехал. На поезде. Вот такое дело. Приехали. Я пришел. Приехал, значит, сперва поехал к деду, бабке, в Герхожан поехал. А бабка меня увидела и сразу вот так вот рукой ударила. «О! А я, — говорит, — уже тебя оплакала. Я думала, что ты где-то с поезда упал, под крышу поезда. И ты где-то умер. Я уже, и слез уж у меня нет, сколько я плакала. Опять ты как кумык из [нрзб] вылез [ин. яз.].» Обрадовалась очень. Понимаете, как? Вот такое дело. Вот так вот, так вот начиналась здесь жизнь. Такое дело. А потом дальше, дальше что, дальше учеба, я опять пошел в школу, но я уже пошел, уже я был взрослый, пошел в школу. Это была 5-я школа. Ну, мальчаны знают 5-ю школу, рядом с библиотекой. Ну, говорят, я уже переросток. И так, когда я был... Нет, я сперва был в 1-й школе, в 1-й школе меня исключили. Я пришел в 5-ю школу, 5-ю школу. В 5-й школе все двери открывают и смотрят. И все, оказывается, смотрели на меня, что хулиган теперь учится здесь, в 5-й школе. И мне говорят: «Надо тебе перевестись в вечернюю школу, в вечернюю школу». Ну, я перевелся, закончил школу, закончил школу. И мне... Отцу я говорю: «Пойду, наверное, куда-нибудь учиться». Я говорю: «Я хотел бы выучиться на зубного техника», — я ему говорю. Он говорит: «Куда тебе учиться? Ты же неуч, ты не учился, ты хулиган, ты опять будешь хулиганом, ты учиться не будешь». А я знал, что туда поступить невозможно. Невозможно туда поступить. И конкурс огромный, самый большой конкурс был туда, со всех ближайших городов, начиная от Пятигорска, Владикавказ, ну, все те, которые что-то могли сделать, старались детей туда пристроить. Ну, а я что? Отец у меня был, ну что он, бедный, у него ничего не было, кроме кровати, на которой он спал. И вот то, что ему зарплату там платили, я не знаю, что тогда чиновники получали, у матери своя семья большая, дед с бабкой. А когда я уже в школе 1-й был, отец сразу меня повел — делал из меня человека — повел меня во Дворец профсоюзов, устроил меня в хоровой кружок, танцевальный кружок, чтоб я туда ходил. А Мидова, Мидова, вот этого Хаджимусы жена, она татарка была, она там работала большим начальником, и он ей сказал: «Ты же знаешь его, присматривай за ним». И я, вот в жизни знаете, как бывает, в жизни, случаи иногда многое в жизни определяют, наверное я не оригинален проводить это в пример, наверное это у всех в жизни было, по крайней мере у многих. Я получил двойку сразу же на первом экзамене, вот здесь в медучилище, получил двойку, думаю: да, двойка, что делать? И идет, Икаев был такой, который на танцевальном кружке был. «Ты что, — говорит, — здесь?» Я говорю: «Да вот, поступаю, двойку получил». — «Да ты что? Да? Ну, ты поешь, нет? Как раньше, ты поешь?» Я говорю: «Пою», хотел сказать: когда настроение есть, пою. «Танцуешь?» Я говорю: «И танцую, и пою». «Ну-ка, пойдем, — говорит, — я тебя познакомлю с репетитором...» С руководителем то есть, руководителем. Я, как сейчас помню, по-моему, Георгий Васильевич был Чунтонов, такая фамилия, фамилию точно помню. Он говорит: «Вот вы послушайте его, послушайте, может быть, он вам в коллективе пригодится». И он сам тоже, он говорит: «Я здесь буду, ты зайдешь потом ко мне сюда». Я, значит... Он говорит: «Что будешь петь?» Я говорю: «Я спою севастопольский вальс, можно?» — «Да-да, пожалуйста». Он раз-раз, наиграл сразу всё, и я спел ему. Спел. «Вы на какое отделение поступаете?» Я говорю: «Зуботехнический». Зуботехнический. «Зуботехнический? Ага, хорошо, хорошо, а где у тебя?» Я говорю: «Вот это». Он у меня эту забрал. «Хорошо, — говорит, — погуляй здесь». И ушел. «Придешь, — говорит, — потом ко мне сюда». И я пошел к нему, пошел к нему, я ему говорю: «Так-то, так, так вот, я ему спел, вот это он сказал, всё». — «Ну жди, жди, потом зайдешь, скажешь мне». И он пришел, мне и говорит: «На следующий экзамен тоже иди, пойди на все экзамены». В общем, короче, я вижу: я в списках, как я Акаев, в числе первых, не первый, а второй или третий, я в списках поступивших. И мне он говорит: «Но учти, строго будешь петь, если петь не будешь, то может быть всякое». И я ходил, значит, пел, вот такое дело. Поступил, а в это время уже отец женился, отец женился на своей старой знакомой, она была учительница, он на ней женился, и мы жили уже втроем. Ну неудобно, отец только женился, и комнаты нет, и я хочу куда-то уйти — «нет, никуда», он боялся, что я опять куда-то уйду или еще что-то. А в соседней комнате русская семья жила, жили военные, кухня общая, ванную мы сами топили, АГВ раньше было, разожжем, топим, боже мой, с этим АГВ тоже были такие смешные проблемы. И я пришел, мачеха так обрадовалась, так обрадовалась, а отец — нет, отец [нрзб]. Она отцу говорит: «Что ты [не] радуешься? Ты его ругаешь, а он, видишь, какой умница, какой молодец, поступил, видишь, поставил, оценки хорошие получил». А он ей говорит... Вы извините за такое... «Ты же, — говорит, — дура, ты ничего не понимаешь, наверное кого-то испугал, боялся его, поэтому ему хорошие оценки поставили, не от того, что у него мозги есть в голове», — отец говорит. Клянусь вам, отец всё равно был недоволен, но он был недоволен мной, он мне говорил, что «у нас в роду нету таких, нету, все порядочные, все такие, вот ты...» Я, мол, боюсь в город, мне стыдно в город выйти из-за тебя, все говорят, что ты такой, ты сякой. Вот так вот начиналась жизнь. Закончил, закончил. Закончил хорошо, я помню, мне вручили диплом, я уже, вы знаете, от всего... Вот проснулся уже, как будто я другой человек, не знаю, как это произошло. Мне дали диплом и бесплатную путевку на

Домбай на 22 дня, раньше так было, путевки были 22 дня, 24 дня. Дали мне путевку на Домбай, я поехал туда, а мать же в Карачае, а они жили в Карачаевске. Ну, я сообщил, что я вот отдыхаю здесь, и ей тоже рассказал. Вот так вот у меня началось это всё, там я знакомлюсь с таким Гриша Карпишман. Из Питера. И мы так подружились, в одной группе оказались, горнолыжной учебной. И он мне говорит... Там надо было еще мне дипломную практику пройти. И он мне сделал вызов в Ленинград, в Стоматологический институт, и я приехал туда, я приехал туда, прошел там... начал проходить это всё. И меня прикрепили... Это был такой Рафаэль Львович Рейслер, он говорил, что «я учился в Германии, все знания еще добавил в Польшу, а потом в Беларуси, а из Беларуси уже в Ленинград». Еврей он был сам, огромный такой, чихнет — на трех этажах было слышно, что он чихнул, все вздрагивали, такой был большой человек. И начал работать, начал. Три года, и мне говорят... Квартиру мне сняли тоже в коммуналке, но там уже много жили, там стояло четыре плиты, две с этой стороны, две с этой стороны, и остальные все, где свободны, туда ходили, много жило людей. На Васильевском острове я жил. И, значит, ходил... Ездил, значит... Потом она стала 1-й поликлиникой, это напротив прям Гостиного двора, там кафе «Север», и вот эта 1-я поликлиника стоматологическая, и вот там я. И мне этот еврей, что ни принесу, сделаю — восковые модели — он, раз, ломает мне и заново заставляет. Я делаю, и он мне говорит: «Сынок, скажи, ты еврей?» Я говорю: «Нет». — «А у вас есть еврей?» Я говорю: «Есть, наверное». Ну, уже я так сказал. «Вот ты... А почему, — говорит, — у тебя руки пришиты как у еврея?» Никогда не забуду, как он мне сказал. «У тебя, — говорит, — руки пришиты как у еврея». Вот такое дело. Приехал, мне сразу поликлинику, всё... Сразу пригласили, без всякого, я отказался. Я думал, что, ну что мне здесь, я уже там такой, действительно, я очень хорошо учился, очень хорошо. И почему мне путевку еще дали. У поликлиники была поликлиника, то есть у медколледжа была поликлиника, где принимали больных. То есть получилось, я за годы своей учебы больше всех сделал живых работ для людей, не фантомные работы, на фантоме, а живых работ, много денег заработал для поликлиники. Поэтому мне, начальник поликлиники, видимо, сказал директору — был тогда Дукельский Юрий Маркович — ему сказал, чтобы диплом и мне дали бесплатную путевку. Деньги — нет, а это... Ну, я ни о чем не мечтал, какие деньги? Старался знания узнать, как можно больше. И я действительно, в силу того, что я не работаю уже по этой профессии, я могу сказать, что... Ну, наверное, я работал очень сильно, никто не мог... Здесь по крайней мере не могли так работать, примерно на уровне мы работали, был такой Альфред Татьянц, армянин, царство небесное, он рано, бедный, умер, он работал сильно. Тогда, когда уже я работал, его и меня поставили работать на золоте, тогда уже получало государство золото, и очередникам делали мы золотые изделия. У нас были в поликлинике сейфы в стенках с золотом, получали централизованно поликлиники от государства, и мы делали очередникам зубы. И я вот так вот работал. И однажды поехал в Приэльбрусье, уже прошли времена, и я увидел, какая там жизнь, как там здорово, какие там речные катания. И думаю: надо мне здесь работать. Вы знаете, ну столько приезжало людей, я уже теперь могу сказать, когда мне уже 82 года, 83-й, я сейчас могу сказать, что никогда... Я был два раза в Америке, я много где бывал, жил по жизни. Я никогда, я нигде, ни на одном пляже, ни на одном сборище, ни в одном театре — я был в «Метрополитен-опера», ходил на нью-йоркскую оперу — я никогда и нигде не видел такую публику, как собиралась в Приэльбрусье зимой, зимой, скажу так, с 20 декабря по 20 апреля, вот этот период, бархатный сезон, в Приэльбрусье, какая же там собиралась, боже мой, публика! Какая публика, какие барышни, боже мой, какие знакомства! Передать нельзя, ну, не видел...

01:59:41

Секундочку. Поменяем [нрзб].

Я всегда волнуюсь, когда правда начинает меня душить, стараюсь как-то ее сгладить. Вы знаете, ну не видел нигде, ни в одном театре, ни в одном фойе, ни в одном месте. Там она разделялась на горнолыжников и горнопляжников, и вот горнопляжники приезжали, какие красавицы барышни, девушки! Они тоже в горнолыжных костюмах, самых модных палочках, приезжали. Но они поднимались на [нрзб], на кругозор, они палочки и лыжи втыкали в снег и только загорали. Только загорали. Поэтому они разделялись на горнолыжников и на горнопляжников, понимаете?

02:00:44

Такой вопрос сложный, и попробуйте мне на него ответить. Вот когда вы растете у дедушки с бабушкой, вас воспитывают как балкарца или вы растете как обычный советский мальчик, без национальности? Вообще национальная тема — в семье или как-то — возникает или нет? Вот по-честному ответьте.

Да, я вам скажу по-честному. Я вам скажу по-честному. Я вам скажу по-честному, почему, потому что, когда я сказал, что я уже взялся за ум, или Всевышний уже сказал, что хватит, и я уже и со школой, и с учебой уже, будучи в медицинском колледже, я армию пропустил и дальше армию... Кстати говоря, тоже была очень интересная служба, я служил в зарубежной

Азии, тогда в Азии наши не служили срочную службу, тогда шли военные действия с Китаем, на Даманском, но я служил на двух чужих границах, с этой стороны была китайская граница, с этой стороны — монгольская, а мы служили посередине. Я не имею права говорить, как мы служили, но я могу сказать, что я служил, и я...

02:02:06

Вот сразу есть вопрос. Вы там служили, потому что язык понимали?

А?

02:02:11

Потому что язык понимали, потому что языки были совершенно...

Нет, нет, абсолютно нет, я служил срочную службу, то есть меня уже... Когда я закончил, пошел в поликлинику, меня забрали в армию. Пришла повестка, и я пошел служить, вместо того чтобы работать, я пошел служить. Мне уже было 26 лет, а в армию забирали до 28 лет, срочная служба, и меня в 26 лет забрали, и я пошел служить, то есть я уже окончил, всё, я пошел с дипломом. Я служил очень хорошо, мне было очень здорово. Я должен сказать... Я здесь быстро пройду, я, значит, попал в Грозный, в Грозном, значит, я попал на наряд на кухню, на кухню наряд попал, я попал на кухонный наряд. Ну там определяют, кто посуду мыть, кто картошку чистить. Я попал картошку чистить. Я взял и отказался картошку чистить. Я сказал, что мужчина, я никогда не чистил картошку. Сказали, это невыполнение военного устава. Меня забрали и отвели к прокурору. Отвели к прокурору. Прокурор говорит... Он был в какой-то национальности, но не знаю какой, я по акценту понял, что он не русский. И он мне говорит: «Мне очень неприятно, что моих земляков приводят по таким вопросам ко мне. Никого в армию с мамой не забирают, чтобы мама ему тут стирала, кушать готовила и картошку чистила». В общем, он меня отругал, отругал, отругал. Это была учебная часть. И меня взяли, отправили в Новочеркасск. В Новочеркасск я когда приехал, мы поехали проходить медосмотр, в медосмотре карточка и специальность гражданская — зубной техник. И мне сразу говорят: «А вы умеете работать?» Я говорю: «Конечно, умею». И мне как бы сделали несколько работ. Я поправил их зубного техника, которая там работала, женщина. И сделал несколько работ. И мне сразу, как сейчас помню, Людмила, отчество забыл. Она была женой начальника госпиталя, Кинус, полковник Кинус был начальником госпиталя, Новочеркасский гарнизонный госпиталь. И он говорит... В общем, они написали, и с полка, с тяжелого танкового полка, где я числился заряжающим, меня перевели в госпиталь. И я был зубным техником. Я имел доступ выхода в город в любое время до 11 часов, у меня был пропуск. Я жил отдельно в одной комнате. Мне говорили... Вы извините, но слова не выкинешь. Я помню, старшая медсестра была Дёмина. Она была женой начальника штаба, она мне говорила: «Акаев, — говорит, — тебя или какой-нибудь офицер застрелит, или какая-нибудь женщина отравит». Она мне говорила. И я ей говорю, знаете, что... Я уже отслужил, мне уже не нравилось. Я же в армию пришел, мне это не хотелось. И я знал, что из 57, по-моему, дивизий Советского Союза, или из 67, набирали отдельную дивизию для службы за рубежом. Но не говорили где. И я решил, что... Ну, говорили потихоньку, что там военные действия. Я хотел поехать повоевать. Вот такое дело. Можно сказать, добровольно. И я пошел... Когда я... 3,80 платили каждый месяц солдату, 3,80 было солдату. Я получил и пошел к Дёмину. Он говорит: «Нет, что ты, ты там помогаешь. Я над тобой не хозяин, хоть ты у нас числишься». И я попросил Дёмину, чтобы она мужа попросила. Она говорит: «Чего тебе не хватает? Ты здесь как сыр масле. Всё у тебя, всё, что хочешь, кушаешь в офицерской столовой. Всё, ты не знаешь, как служба проходит». Я говорю: «Нет, я хочу служить. Ну, скажи, чтоб меня включили». И она мне помогла. И они пока... Взяли, и меня взяли уже в сборочную часть в Краснодарский край, Усть-Лабинск отправили. И оттуда уже плацкартных, не плацкартных, а уже в мягких вагонах мы уехали. Уехали. Вот такое дело. И дальше уже начали, когда уже поняли, когда ехали, дезертиры были, ко мне тоже пришли. И говорили: «Давай скажем: за Родину мы готовы умереть, а, мол, за каких-то, мол, этих воевать, мол, мы не будем». Убегали, остановку сделают, убегали. И потом старались остановки делать не на вокзалах, а на безлюдных местах, какие-то остановки, так, чтобы это... Вот такое дело. И, значит, приехали. Помню, как раз на Байкале остановились, Байкал проезжали. Думаю, да ладно, думаю, не каждый балкарец здесь ходил по замерзшему Байкалу. Я походил по Байкалу, попел, пришел, сел — и дальше. Дальше уже Монголия, всё, и мы приехали [т]уда, где мы должны были служить. Естественно, палатки, поле. Вот такое дело. Тогда служили три года, я прослужил три года и три месяца, пока смена, мы еще три месяца ждали. Так вот. Когда я приехал, в одном месте я дал характеристику свою, мне сказали: «С этой характеристикой надо было тебе идти в ЦК КПСС, чтобы Героя Советского Союза дали, а не сюда». Вот такое дело.

02:08:57

А в партию вы вступили?

Да, в партию вступил. В партию я вступил, уже работая в Приэльбрусье. Работая... Я же после армии, я же говорю, поехал на отдых. Поехал на отдых. Вы знаете, денег было, скажу вам честно, как у дурака махорки, когда я работал в поликлинике. Но кто мог бы подумать, уйти, деньги там. И я говорю: «Можно ли мне здесь устроиться, где-нибудь в Приэльбрусье?» — «А где вы хотели бы?» — «Ну, я бы хотел быть или директором бара, или заведующим, где народ собирается, где молодежь там, всё». «Нет, — говорит, — ты туда, нельзя тебе туда». — «Как нельзя?» — «Нет, туда отсюда, с города назначают туда». Ну, думаю: ну как же это так? И я пошел, попробовал поговорить. Ну, разговоры бывают разные, но я поговорил по-хорошему. Я решил этот вопрос. И я стал заведовать баром «Иткол». «Иткол» был «Интурист». «Интурист». Тургостиница «Иткол». И мы должны были работать посменно. Сменщик мой был армянин из Владикавказа, да. Я приехал следующую смену принимать, просто через смену, а мне он не сдает смену. «Мне, — говорит, — сказали не сдавать тебе смену. Там по поводу тебя собирался совет директоров в Эльбрусском совете». Я пришел туда. И говорят: «В общем, мы тебе скажем, заключение было по вашему поводу такое, что с прошлым Акаева не только работают тургостиницы, куда прибывают иностранные туристы из капстран, а даже противопоказано его проживание в ущелье». Так. Я сразу вспомнил деда, отца, всё это, фамилии, все эти перипетии, «Интурист», всё. Что мне там работать нельзя. Всё, и меня отстранили от работы. Меня отстранили от работы. Я приехал домой. Тогда уже у меня была комнатка. Это тоже был наш дом, который... Там тетя Оля Ковалева, она развелась с мужем, и ему отсудили комнатку. И она моей матери сказала: «Но он же...» — говорит... А я когда уже не хотел с отцом жить, ну, тесно было, во-первых. Всякие причины находил. Жил в общежитии, жил на квартире. И мать заехала ее проведать. Она говорит: «Вот мой бывший муж продает, купи ему. Это идет под снос, он потом получит квартиру». И мать мне купила эту комнатку. Купила эту комнатку. Это была первая моя крыша над головой. Вот такое дело. И, значит, отстранили меня. Отец когда узнал, говорит: «Приди ко мне». Я пришел, ему всё рассказал. А ему было больно. Его тоже, накануне его отстранили, потому сказали, написали: как это так, что судимый по 58-й статье, сын врага, деда, вот что... Ну, теперь вы видите, какой враг там. Мол, таких людей, раскулаченных, там это. И его отстранили. Отец, бедный, не работал, наверное года два не работал. А у него же ниоткуда ничего не было. Это я теперь понимаю, тогда я ничего не понимал. Но ему помогли опять наши. Были наши княжеской фамилии, живущие в Москве. Наверное, и сейчас они живут, не буду называть фамилии. Пусть живут они на здоровье. Какая разница, что русский, что балкарец, это одно и то же, это родные братья. Абсолютно. Только язык разделяет, а так нет никакой разницы. Поверьте мне, никакой разницы. Если надо, я приведу тысячу, тысячу фактов, от которых нельзя уйти. Нельзя, ну никак нельзя уйти. Которые, да, говорят они «да». Но я не буду здесь это приводить. Вот такое дело. Два брата. Один работал в прокуратуре, другой работал в следственном отделе МВД СССР. Я написал — как бы я написал жалобу, я ее и не видел, отец от моего имени написал, отправил туда. Они поставили на контроль там, в Москве, и дали команду разобраться в рабочем деле, по какой причине отстранили с работы. Ну, с деньгами проблем, как я сказал, не было. Я поехал в Сочи отдыхать, вместо того чтобы горевать. И отец мне звонит, мол, осел, такой-сякой, езжай домой, там пришла бумага из Москвы. И пришла бумага, что какой-то срок, я уже не помню сейчас, разобраться в гражданском вопросе такого-то, такого-то и доложить. И назначен был суд в Тырныаузе, суд, в силу того, что это Эльбруссский район. И мне надо было к суду... Оставалось три дня уже, поехать туда на суд. Приехал я на суд. Ничего, я никаких требований не предъявил. Отказался от вынужденного прогула за счет председателя Эльбруссского совета. И меня восстановили опять на работе. Восстановили на работе. На работе восстановили. Я думаю... Начал работать. А я уже поступил в Харьковский экономический институт заочно. И уже еду туда на сессии. На работе восстановили. И у меня всё пошло хорошо, всё нормально. И вдруг меня назначают директором комбината питания, директор [нрзб], ресторана, вот этого всего. В силу того, что в 1980 году Олимпиада, приезжают гости по линии ВЦСПС, много зарубежных гостей, которые будут по три дня находиться в Приэльбрусье, по-моему, еще где-то, еще где-то, еще где-то. Нужно там привезти всё в порядок. Я говорю: «Ну как мне? Иностранцы же, мне нельзя иностранцы же где, быть там». Ну ладно, это было. В общем, пошел я, это дело... Проработал. Там закрылось на три года на ремонт. Я перешел сюда на работу, переехал домой в Нальчик. Начал работать в Нальчике. Работал директором хозрасчетного предприятия «[нрзб] комплект». Это типа базы материально-технического снабжения, министерство местной промышленности, бытового обслуживания населения. Оттуда ушел на пенсию.

02:18:17

В каком году вы в партию вступили?

В партию я вступил, когда я работал. Уже я понял, что надо вступать в партию. Наверное, это были 1970-е годы. 1970-е годы. Я уже... Я с «Иткола» сам перешел в «Азау». Меня там устраивало даже и больше. Такое дело. Там я, правда, что-то построил, перестроил. А закончил в «Чегете» и перешел сюда. Вот такое дело.

02:18:52

Дедушка. Дедушка интересовался политикой или не интересовался? И вообще как он...

Дедушка мой, с которым я вырос?

02:19:00

Да, который вас вырастил.

С которым я вырос... Вы знаете, он... Я думаю, что дедушка... Ну, то, что этот дед был на стороне советской власти, это документы говорят. Он земли отдал. На это есть документы с круглой печатью. Всё как положено, всё оформлено. В том числе из ФСБ тоже документ есть. У меня здесь лежит, я с собой принес.

02:19:32

Но это репрессированный дедушка?

Это репрессированный. А вот...

02:19:36

А я про другого.

А вот другой дедушка. Вот я вам скажу. А другой дедушка так. Старший сын увильнул от призыва как-то. Ну, не особенно хотел. А младший сын, то есть средний сын, ушел добровольцем. Яков, который погиб. На русском языке статья, я ее тоже с собой принес. Вот такое дело. И значит, что. Он этого сына, он этого сына, он никогда не говорил, что он его любит, не любит, он просто не общался с ним. Просто не общался, и всё. Ничего плохого он за него не говорил. И когда он остался один, один остался, бабушка умерла, он остался один, когда сын пришел старший и сказал... Как сын, как всё, он замечательнейший человек был, Ахмат, замечательный человек. Сказал, что «иди живи у меня». И мать сказала, и привели его туда насильно. Через три дня он говорит: «Я плохие сны здесь вижу, я не могу здесь спать». И опять ушел к себе. Вот такое дело. Значит, что я хочу сказать? Здесь кроется ответ, как, куда он относился. Это уже, если я скажу свое мнение, ну мнение само собой приходит. Если он не возразил от того, что кто ушел добровольно, и это, конечно, он был полностью, но он был против колхозов. Вот я вам прямо скажу, он был против колхозов.

02:21:47

Как он к Сталину относился?

К Сталину? Я скажу, что к Сталину относился очень плохо, наверное. Кого я знал, кого я знал, наших, все относились плохо. Все относились плохо. Ни один не относился хорошо. И потом, когда... Да, я забыл самое главное, когда мы вернулись, когда мы вернулись в это же ущелье Баксанское, там, знаете, домик лесника, там было написано Северная Грузия. Эти все земли были отданы Грузии. Там жили все грузины. Не грузины, но больше жили сваны. Ну и грузины. Грузины жили в Тырныаузе. Я не помню, чтобы кабардинцы были. Не было кабардинцев. Один-два человека жили. Был клуб строителей, там общежитие было. Там если было, в 1950-е годы, вот 1957-е, ближе к 1960-м, если было человек 50, то хорошо. Которые только в общежитии. Они с общежития не выходили, даже на вечерние сеансы в кино не ходили. Кабардинцы. Я вам честно говорю. Я думаю, что они живут. И вы можете у них... Может, если кто-то меня услышит, и он может сказать: да, это правда. Так оно и было, потому что шла война между балкарцами и грузинами. Мы же с ними всё время... Но это война, я громко сказал, шли всё время драки. Собирались, здесь в Нальчике собиралось только 13 человек. В 1950-е годы всего столько было балкарцев, 13 человек. Ехали туда на машине ГАЗ-53 с железными бортами, железными бортами. Вот вы представляете, асфальта не было. В этой железке бились. Драться, драться ездили туда. Подраться. Вот такое дело.

02:24:08

Читал ли дед газеты?

А?

02:24:11

Газеты читал ли дед?

Нет, газеты не читал. Газеты не читал, но он знал старинное... Вы знаете... Как же он знал, как же он знал! Города, районы, села, что кому принадлежало, как, что, всё он знал очень хорошо.

Всё знал, что не знают сегодня ученые, ученые. И я невольно, когда я читаю, что пишут и ученые, я вспоминаю его и высказывания великих, которые писали: «Не звание возвышает человека, а знание возвышает человека». Вот те, которые со знаниями... Я бы хотел сказать хорошее русское доброе слово, что они знают и что не знают. А вот действительно знание, так оно и есть. Не звание возвышает человека, а знание возвышает человека. И он так знал, он столько рассказал! И вы знаете, я каждый день вспоминаю новое. Вот мне 83-й год, я каждый день вспоминаю новое.

02:25:37

Он разговаривал на каких языках?

Он говорил на русском...

02:25:44

Говорил. А где он учил русский?

...слабо, слабо говорил, но говорил и всё понимал. Ну, естественно, и на балкарском. На других языках он не общался и не говорил. Так. Где-то... Так, сейчас... Извините, пожалуйста. Сейчас я вытащу. Так. Это вот книга. Это всё, все документы, все документы, вы знаете, я только со свидетелем. Чтобы это было. Это вот книга. Там еще следующая страница есть. Если скажете, я ее перелистну. Открыть другую страницу? А вот она, другая страница. Нет, наоборот. Вот так. Вот она, другая страница. Вот она, другая страница. Я еще хочу, еще хочу показать вам этот документ.

02:27:29

А, одну секунду. Вот тут написано, что Акаев был арестован за распространение провокационных...

Это всё, это выдуманно всё. Это всё выдуманно. И, якобы, он сослан на пять лет в этот... Казахстан.

02:27:48

Да.

Этого не было. Это просто обман. Обман. Чтобы не сказать, что его убили.

02:27:56

То есть кто-то получил просто документы, в которых было это написано?

Ну, по крайней мере, мне вот так дали. Но они знают, что это было не так. И в последующих документах этого нету.

02:28:12

А можно увидеть ответы из ФСБ после вот этого обращения? Что они вам ответили?

Вот эту бумагу мне дали. Это они мне ответ дали на то, что... Мне просто было интересно, чтобы они мне дали, что нам принадлежало. Понимаете как?

02:28:32

Поняла. Поняла. А есть ли документы о том, что он был расстрелян?

Так. Ну... Здесь разве не сказано?

02:28:49

Здесь сказано, что он на пять лет выслан.

Нет, не высланный был. Нет, не высланный. Он был расстрелян. Он был расстрелян. Как же так? Это все знают. Он не был выслан. Он был расстрелян. В том-то и беда. Это вы сняли, да? Это на балкарском. Это надо, за то, что... Вот это я не знаю... Так. Так-так-так. Где же?

02:29:45

А можно посмотреть? Вот то, что вы держите в руках? Спасибо.

Посмотрите, если вы считаете нужным, снимите их. Не считаете нужным?

02:30:17

А есть ли документы по реабилитации отца? Вот то, что он был реабилитирован, отец.

Есть и что репрессирован, и есть и [что] реабилитирован.

02:30:28

А можно их увидеть?

Да. Сейчас я... Так. Тут один документ или два?

02:30:35

Нет, один. Один.

Один в одном. Вот это и это, да?

02:30:42

Больше нету.

Ну вот это еще говорит о том, что... и даже в советское время... вы извините, что мы держали холопов. Вот, говорит. Если вы почитаете его до конца. А кто мы были — это уже...

02:31:18

Да, я этот документ видела. А...

Сейчас, сейчас, сейчас я дам вам, сейчас я дам, сейчас я дам вам все, что вы считаете нужным, снимите. Что нет — нет. Так. Это вот когда его забрали, из-за чего забрали, тоже посмотрите. Если посчитаете нужным, снимайте. Нет — нет. Вот то, что отец репрессирован.

02:32:25

Да.

Это вот дядя, который, я говорю... Он в форме. Статья.

02:32:53

Это тот, кто погиб?

Который погиб, да, без вести пропавший. Материн родной брат, которого дед отправил добровольно. Что такое? Раз, два, почему два? А где третий?

02:33:23

Третий внизу просто лежит. Всё хорошо.

Третий — это... Это мои... Мои, что я репрессирован в четыре года. Документы.

02:33:53

Исмаил, а потом вам вернули этот настоящий год рождения? Или так вы с этим 1941-м и живете?

Я так и живу. Так и живу. Да, так и живу. Всё время думаю, постоянно, пойти переделать, переделать.

02:34:07

А зачем?

Не надо, да?

02:34:09

Мне кажется, что...

Дай, пожалуйста, хоть плохо... Вот очки, что ты мне давала. Я хоть видеть буду что-то. Вот у

меня... Вот что дед реабилитирован. Я отца вам дал, это то, что дед реабилитирован. Так. Можно сумочку мою, если удобно?

02:35:49

Да.

Пакет?

02:35:51

Пакетик, да. И вот эти бумаги тоже там мои, да?

02:35:54

Это мы еще, еще сфотографируем еще раз.

Ага. Мне сюда, прям как они есть. Ага. Вот спасибо.

02:36:07

Там только две книжки.

Ага. Давай сюда. Это мои, да? Лежат там. Не потерять мне просто.

02:36:21

Нет, это Тамары.

02:36:29

Репрессирован. Скажите, деда и отца документы нужны о том, что они были репрессированы?

02:36:40

Да. Мне кажется, в связи с таким у нас теперь напрямом по времени, если я это быстро посмотрю сама, а вы просто Эле расскажите про фотографии. Она у вас за спиной стоит. Расскажите, что это за фотографии? Где и кто, как снят? Если это возможно.

Нет, снимать будет? Или как?

02:36:59

Она снимает.

Ага. Ну, это дедушка, о котором идет речь, мой. Это мой дедушка.

02:37:05

Это тот дедушка, который вас воспитывал?

Нет.

02:37:09

Тот, которого расстреляли?

Тот, которого расстреляли. Это Акаев Хаджимурза Арсланович. Ну вот, это дедушка мой. Дедушка. Акаев Хаджимурза Арсланович. Здесь приведены слова Кайсына Кулиева и его впечатления, когда он его видел в детстве, будучи взрослым человеком, он отразил их своей книжке, своей книжке, эта книжка называется вот так вот. Здесь два рассказа посвящены ему, деду. Это отец мой. Отец мой. Акаев Хаджимурза... [То есть] Акаев Касым Хаджимурзович. Хаджимурзаевич. Извините, я там ошибся немножко. Это моя мать. Байзулаева Кемилят Саламгериевна. Это тоже она, если нужно, можете снять. И здесь она. И вот здесь она, мать моя. И это она. Такое дело. Это наша башня была в Чегемском ущелье, которую описывают историки, писатели. Это я не знаю. Вот это, как вы считаете, я вам рассказывал, не надо, да, наверное?

02:40:09	Почему же, расскажите. Надо, да?
02:40:12	Конечно. Это Федор Иванович Шаляпин, будучи здесь, в гостях, в кругу семьи. Это дочери Дадаша Балкарукова. И он среди них. Это отец мой, будучи в студенческие годы в Москве. В Москве. Вот он. Это ГИТИС. Это дядя мой. Дядя мой Акаев Кумук. Участник войны. Участник Великой Отечественной войны. Такой снимок, Кайсына Кулиева. Если...
02:42:26	Не-не, всё хорошо. Спасибо. Это старая сакля в Чегемском ущелье. Кайсын Кулиева. Кайсына Кулиева.
02:43:03	Есть. Можем дальше идти. Где он родился.
02:43:09	Где родился, да? Это тоже там.
02:43:13	Это вот тоже.
02:43:25	Исмаил, а нет ли где-то фотографии, где вы с дедушкой и бабушкой? Или где вы подросток или мальчик? Ну вот только с мамой. С мамой. Вот он я. С мамой. С мамой. Есть, но я их не взял. Я думал, что мы... Конечно, есть.
02:43:53	А вы сможете, если это несложно, например, зайти к Тамаре, сфотографировать эти фотографии, где дедушка с бабушкой, с которыми вы жили, где вы мальчик, где вы подросток, смогли бы вы мне это прислать по электронной почте? Для вашего рассказа. Вы знаете, бабушки нет у меня.
02:44:19	Ну дедушку, который вас воспитывал. Дедушки есть, есть.
02:44:23	Если это возможно. И где вы, вот ваш рассказ, где вы мальчик, где вы подросток, сможете еще такое? Фотографии?
02:44:35	Да, ваши. Вот лично ваши. Да. Есть, есть. Где я подросток.

02:44:41

Где школьник.

Школьник, где я когда в Ташкенте был и убежал оттуда.

02:24:46

Вот. Мне очень хотелось бы такие фотографии.

Есть, есть, есть.

02:24:50

Замечательно. Эль, если это возможно, вот это нужно просто сфотографировать. Даже без видео. Отдельно фотографию, где Исмаил с мамой, и вот эти вот документы. Хотела еще спросить: в каком лагере сидел отец, где он отбывал этот срок?

В Караганде.

02:45:13

В Караганде?

В Караганде.

02:45:15

А была ли возможность, например, ну вот там... У матери появилась какая-то другая семья, но она его навещала? Или вообще как-то ему помогала?

Нет, нет. Она не знала, что он живой даже. Она даже не знала. Она позже узнала. Позже. Вот когда, точно не могу узнать, когда ей стало ясно. Она думала, что его нет в живых.

02:45:38

А когда в 1990-е годы можно было как раз в ФСБ обращаться и смотреть дела, ходили ли вы знакомиться с делом деда, которого расстреляли? Или вы этого дела не видели?

Вы знаете, я вам скажу, как оно есть на самом-то деле. Наверное, вы и до нашей встречи слышали от многих. Многие говорят: вот мы раньше были такие, вот раньше нам это принадлежало, это принадлежало и так далее, и так далее. Люди говорят так. Ну, обычно никто не верит. Сказал и сказал, вот и всё. Понимаете как? А в моем случае, мне наоборот. Мне тесть сказал, жены отец, жены отец, мне говорит: «Вот про вас всё время говорят, вот он опять где-то был, опять про вас говорят, вот вы такие, вы это были, вы это, и такие, и такие». Я говорю: «Да, да, были такие». «А где, — говорит, — откуда... Где документы?» И вот он первый, тесть, вот это вот во мне проснулось. Почему? Он взял от моего имени написал... Вот это ответы ФСБ — это на его письмо, которое он написал. И это ответы ему пришли. И он принес мне и говорит: «Что ж ты, надо же это, мол, это всегда пригодится, надо, мол, собирать». И я начал вырезки из газет собирать, кто про нас написал, кто это, кто что, и так далее, и так далее, и так далее. Вот, вот это всё, что я написал, вы видите. Вот такое дело. Это тоже. Всё, всё как-то найдено. Я сто лет знал эту книжку, но не знал, что там два рассказа — это наши. Пока мне носом не ткнули, не сказали, что... Вот такое дело.

02:48:00

Вот это надо тоже, наш [нрзб] склеп, Акаевского рода.

02:48:05

А, ну да, да.

02:48:06

Здесь деды наши, вот где-то [нрзб] 700 лет.

02:48:11

Я же это у вас скопировала, зачем мне их перефотографировать?

Нет, это другое, вы вот это скопировали, это башня наша. Это башня, а это склеп.

02:48:21

Мавзолей называется.

02:48:24

Вот, вот здесь написано: род Акаевых.

02:48:45

Хорошо. Поняла.

А это башня рода Акаевых.

02:48:33

У нас тоже есть башня и склеп, в [нрзб] ущелье.

02:48:39

Вы знаете, мне что лучше от других? У меня везде стоят круглые печати. Или говорят, вот эта фамилия нам служила, эта нам служила. У меня бумага есть за печатью с архива, что это... Но когда я спросил [у] отца фамилии, он на меня так налетел, что я был не рад, что я спросил. Он мне сказал: «А зачем тебе, негодяй, это надо?» Всё, больше он мне ничего не сказал. И ему так не понравилось, что я это спросил, он не хотел слышать даже, потому что, видимо, его настолько там... Да хотя и мне досталось будь здоров. Не только мне, даже моему сыну.

02:49:23

Вот это недавняя фотография в цветном виде, она стоит у нас над валуном, где Чегемское ущелье, где... Мы родом оттуда, Чегем. Вот цветная фотография.